

Львовская правда
г. Львов

8 марта 1983 г.

ЧТОБЫ НЕ СМОЛКЛИ ПТИЦЫ

Штрихи к портрету актрисы

Ее искусство тревожит... Что не сбудется надежда, что погибнет любовь, что случится непоправимое, что будет оскорблена красота. Лариса Кадырова зажигает на сцене сигнал тревоги — чтобы спасти, вступить, предотвратить... Собственная гибель ее героинями при этом в расчет не принимается: цена того, что надо отстоять, сохранить, гораздо выше...

Я поняла это, когда играла Кадырова в спектакле «И смолкли птицы» И. Шамякина. Играла молодую женщину, страстно любящую мужа и покинутую им по причине ее тяжелого нервного заболевания. Нела ждет мужа. Она верит, что он где-то в Африке, и эту версию поддерживает добрая, мудрая свекровь, «организуемая» письма своего сына больной жене. Без веры, без этих писем Нела не выздоровеет.

В неясных предчувствиях Нелы чудилось приближение не семейного несчастья — катастрофы. Была резко нарушена гармония жизни... Почему замолкли и уже несколько лет не поют птицы? И сама Нела в огромной мягкой, теплой шали (актриса связала ее специально для этого спектакля) была как печально поникшая птица. Она появлялась неслышно, смотрела пылливо, ища помощи и предлагая помощь — спасти доброту, поправить непоправимое. Предощущение катастрофы пульсировало в ней, таилось в складках мягкой шали. Люди объясняли это ее болезнью, старались не замечать ее «странностей», отвечали мягко и уклончиво на ее «нелепые» вопросы. «Берегли». И они, сильные, не знали, почему смолкли птицы...

Этот вопрос звучит во многих ролях Ларисы Кадыровой. Во многих спектаклях она задает его — безмолвно, испытующе и ждет ответа. И мы начинаем искать ответ вместе с ней.

В балете Лариса была бы идеальной Жизелью — тонкая, гладко причесанная, с «почти пугающей чуткостью» нервных рук. На сцене дра-

матического театра была она идеальной Корделией в «Короле Лире», идеальной донной Анной в «Каменном востелине» Леси Украинки — словно сошедшей с картин Веласкеса... Живопись — горячее увлечение Ларисы, она знает и тонко понимает ее. Живопись подсказывает ей пластическое решение ролей, для каждого спектакля особое.

В донне Анне — это юный порыв, который умная, властная грандесса хочет поскорее одеть камнем во имя достижения своих честолюбивых целей. (Зачем?.. Почему смолкли птицы?)

В Жанет из «Именем земли и солнца» И. Друц — это неповторимый жест, которым девушка протягивает любимому плод айвы, обрuchаясь с ним, даря свою любовь, жест доверчивой чистоты и бесстрашной женственности.

В «Декамероне» Боккаччо — это озорная раскованность, для Кадыровой необычная и потому излишне, может быть, контролируемая грацией.

Конечно же, пластическая выразительность для Кадыровой не самоцель. Пластичность, как и музыкальность, и все «вспомогательные средства», входящие в понятие «актерский талант», служат выявлению художественной индивидуальности актрисы, того, что вот уже почти двадцать лет неизменно привлекает к ней внимание зрителей.

Да, почти двадцать лет назад закончила Лариса Кадырова студию при театре им. М. Заньковецкой. Сердцем и разумом приняла творческие принципы этого славного коллектива и активно, сознательно, последовательно развивает их в своей творческой практике. А ныне прививает их своим ученикам в той же студии. Чтобы не смолкли птицы...

Вот опять возвращаюсь к роли в пьесе Шамякина, хотя эта роль и не самая значительная в завидном по широте репертуара актрисы. Ведь играла она Маклену Грасу в одноименной пьесе Н. Кулиша, Нину Заречную в чехов-

ской «тайке», Любовь в «Голубой розе» Леси Украинки, Мавку в «Ночи на полонине» А. Олеся, Нину в «Маскараде» М. Лермонтова, играла наших современниц: Шуру Ясногорскую в «Знаменосцах» по О. Гончару, Лесю и Таню в пьесах А. Коломийца «Планета надежды» и «Дикий Ангел», Солю Лаговскую в «Кафедре» В. Врублевской, Люсю в «Годах странствий» А. Арбузова... А роль Нелы вспоминается потому, что во всех спектаклях Кадыровой никогда не смолкали птицы.

Она всегда защищает, горячо и умно, то, во имя чего живут, страдают, рискуют, жертвуют собой ее героини, легко, но упорно идет на психологические осложнения, ибо где сложность, там больше простора для фантазии, там преодоление, а она настойчива в преодолении, Лариса Кадырова.

Ей часто приходится преодолевать самую себя, свою гордую и скромную замкнутость, которая передается и ее героиням и, честно говоря, иногда мешает им. Вот в Люсе Ведерниковой из «Годов странствий» Лариса вдруг выплеснулась, не испугавшись того, что Люсю пожалеют, а этого она никогда себе не позволяла! Люся, простенькая и наивная, вдруг являла такую мудрость сердца, такую душевную пронзительность в святом своем отречении от самого дорогого, что было в ее жизни, — любви к Шурке, своему мужу, что иначе как подвигом — и не образно, а в самом что ни на есть прямом смысле — назвать это нельзя.

И стояли они рядом, Люся и Шурка (Федор Стригун), обожженные войной, все понимающие друг о друге, встретившиеся, чтобы расстаться, и понимающие, что это невозможно.

И вот тогда подумало, что Ларису Кадырову я знала всегда. И словно в подтверждение этого — случайно попавшая на глаза фотография. Общий план — отряд из пионерлагеря с вожатой в центре. И на обороте — список

ребят. На память. Вожатая — это я, а рядом со мной, оказывается, — Лариса Кадырова!

Сегодня она — народная артистка Украинской ССР, коммунист, первая исполнительница роли Марии Заньковецкой в театре имени этой гениальной дочери украинского народа.

Именно в этой роли Кадырова состоялась как актриса, именно в ней так полно и ярко высветилась ее человеческая и художественная духовность.

Нет для художника более сложной задачи, чем сыграть свою коллегу, свою предшественницу, про которую во всех энциклопедиях сказано: гений. Особенно сложно, когда драматургия пьесы дает лишь опосредствованное, устами действующих лиц раскрытие гениальной личности. В «Марии Заньковецкой» И. Рябокляча (спектакль поставлен в 1972 году А. Рипко) Лариса Кадырова, советником и вдохновителем которой был Борис Васильевич Романицкий, партнер Марии Константиновны Заньковецкой и любимый ее ученик, исходит из сложной, не поддающейся формальному анализу логики становления творческой индивидуальности великой актрисы, не стараясь ни копировать ее (да это и невозможно), ни играть в ее стиле. И такой уж неопровержимый парадокс истинного искусства! — хотя Заньковецкую как актрису мы почти не видим (если не считать чтения шевченковского «Думы мои»...), воспринимаем ее прежде всего как художник, творец великих духовных ценностей украинского народа.

И когда в финале, в огромном белом просторе сцены с красным, словно пульсирующим пятном — корзиной каких-то небывалых цветов, склоняется в грациозном поклоне тоненькая фигурка в белом, мы долго и восторженно аплодируем памяти великой актрисы и Ларисе Кадыровой, живой приемнице ее заветов.

С. РЯБОКОВЫЛЕНКО.